
Ominayashi
Сахарная пыльца и зеленая листва

Ominayashi

Сахарная пыльца и зеленая листва

«Автор»
2026

Ominayashi

Сахарная пыльца и зеленая листва / Ominayashi — «Автор», 2026

В Заповедном Лесу Ефана, где всё живое знает себе цену, фея зелёной листвы Трикси и эльф сахарной пыльцы Молд замечают то, чего не должно быть: облако, которое не двигается. Пыльца тянется к нему сама, листва отзывается — и, пока они гадают, что это такое, облако раскрывается и проглатывает их вместе с куском поляны. Так двое самых разных волшебников — она слышит растения, он слышит запахи как звуки — оказываются в чужом лесу, где мох фиолетовый, тёплый и дышит, а небо принадлежит совсем другим правилам. Вернуть их домой не умеет никто, а путь назад начинается с вопроса: откуда взялся портал и зачем он их забрал. Молд, который до сих пор не знал, что влюблён, и Трикси, привыкшая справляться одна, учатся разговаривать на языке друг друга — прежде чем чужой мир научит их чему-то большему. Лёгкая и тёплая фэнтези-повесть о красоте, которая бывает опасной, о пыльце, листве и о том, что даже волшебный лес иногда просто хочет, чтобы его кто-нибудь послушал.

© Ominayashi, 2026
© Автор, 2026

Ominayashi
Сахарная пыльца и зеленая листва

Сахарная пыльца и зелёная листва

Глава первая, в которой всё начинается с обыкновенного облака

Знаете, что самое обидное в магических катастрофах? Они никогда не выглядят катастрофами. Никаких молний, треска, обрушивающихся сводов — ничего такого, от чего можно было бы эффектно увернуться. Нет, всё начинается с чего-то совершенно обыденного. С облака, например. С самого обычного, ватного, ленивого облака, которое вдруг оказывается не облаком.

Трикси заметила его первой.

Она сидела на краю Сахарного Лога — так называлась главная тропа Заповедного Леса Ефана, — и перебирала пальцами травинки, привычно прислушиваясь к их голосам. Фея зелёной листвы, вообще-то, не столько слышит растения, сколько чувствует их — примерно так же, как вы чувствуете, что у вас затекла нога: не больно, но настораживает. Вот и Трикси насторожилась.

Облако висело над поляной Фарн, и оно было неправильным. Не в том смысле, что имело странную форму или подозрительный цвет — форма была обычная, цвет тоже. Неправильным было то, что облако никуда не двигалось. Ветер над поляной дул с востока, трава прижималась к земле, пыльца летела по горизонтали — а облако стояло. Будто приклеенное.

— Молд, — позвала Трикси, не оборачиваясь. — Поди сюда.

Молд появился не сразу. Эльф сахарной пыльцы вообще не любил появляться сразу — он считал, что это вульгарно. Но голос Трикси он различал среди тысячи прочих голосов, и не потому, что был влюблён — он пока не знал, что влюблён, — а потому, что её голос пах. Да, именно так: у Молда было редкое свойство — он слышал запахи как звуки, а звуки воспринимал как запахи. Синестезия, сказали бы в ином мире. Голос Трикси пах свежеразломленным стеблем мяты и тёплым камнем. Это было так неожиданно и так правильно, что Молд не мог не откликнуться.

— Смотри, — Трикси указала на облако. — Что видишь?

Молд посмотрел и увидел сахарную пыльцу — свою собственную, родную, — которая вились вокруг облака тонкими золотистыми нитями. Пыльца делала это сама, без его разрешения, что было странно: сахарная пыльца вообще-то существование самостоятельное не любит, она привязана к эльфу, как тень к телу.

— Она тянется к нему, — сказал Молд. — Моя пыльца тянется к этому облаку.

— И моя листва тоже, — Трикси чуть наклонила голову, и по её плечам — а плечи у феи зелёной листвы покрыты не кожей, а тончайшей живой плёнкой хлорофилла — прошла рябь. Словно по воде бросили камешек. — Оно зовёт, Молд. Это не облако.

Конечно, это было не облако. Это был портал. Но они узнали об этом слишком поздно — когда облако раскрылось, как пасть, и проглотило их обоих вместе с куском поляны, пригоршней пыльцы и тремя испуганными травинками.

Падение было недолгим и странным. Не страшным — именно странным. Трикси потом говорила, что это было похоже на то, как если бы ты нырнул в озеро, а оказался в небе. Перспектива изменилась, гравитация тоже, и на секунду — на одну-единственную секунду — Трикси показалось, что у неё нет тела. Только листва. Только зелень, размазанная по воздуху, как краска по воде.

Молд упал рядом и сразу же чихнул — его пыльца взвилась облаком, осыпав всё вокруг золотистой крошкой.

Они лежали на мягком, пружинистом мхе — но это был не мох. Во-первых, мох не бывает фиолетовым. Во-вторых, мох не тёплый. А этот — был. Он пульсировал под ними слабым жаром, как огромное заснувшее животное.

Трикси села. Посмотрела по сторонам.

И поняла, что не знает, где они.

Глава вторая, в которой лес оказывается чужим, а небо — другим

Лес, в котором они очутились, был красив. Это Трикси поняла сразу, и именно эта красота её испугала — потому что красивые чужие леса бывают опаснее некрасивых родных. Красота здесь была иной: не ватная, мягкая, уютная красота Ефана, где каждый листок — знакомый, каждый гриб — допустимый. Эта красота была холодной и безразличной, как красота существа, которое не знает, что оно красиво, и ему всё равно.

Деревья здесь были высокие — не просто высокие, а невозможно высокие, такие, что кроны терялись в вязкой дымке, заменявшей небо. Стволы покрыты чешуёй — не корой, а именно чешуёй, полупрозрачной, переливавшейся на свету перламутром. Между чешуйками сочился сок — не прозрачный, а густой, янтарный, светящийся. Он стекал по стволам и собирался в лужицы у корней, и в лужицах этих отражалось что-то — не небо (неба не было), а что-то другое. Трикси вглядывалась и не могла понять.

— Это сок, — сказал Молд, наклонившись к лужице. — Сок. Но он не живой. Не пахнет жизнью.

— А чем пахнет? — Трикси знала о странностях Молда и привыкла спрашивать.

— Песочным временем. Знаешь, когда переворачиваешь песочные часы, и песок сыплется, и ты слышишь этот звук — тонкий, шуршащий? Вот так. Пахнет шуршанием.

Трикси подняла ладонь. Листва на её пальцах дрогнула, потянулась к стволу — и отшатнулась. Фея зелёной листвы чувствует растения, как врач чувствует пульс. И сейчас пульс был. Но чужой. Медленнее, чем следовало. Гораздо медленнее. Как будто дерево спало не сном, а спячкой, и спячка эта длилась уже давно — столетия, может быть.

— Они живые, — сказала Трикси тихо, — но не просыпаются. Что-то удерживает их.

Молд провёл ладонью над лужицей сока, не касаясь. Его сахарная пыльца вытянулась нитью и коснулась поверхности — и лужица мигнула. Коротко, ярко, как маяк. Где-то вверху, в кронах, что-то отозвалось — слабый, низкий гул, прошедший по стволам, как по струнам.

— О, — сказал Молд. — Оно нас услышало.

Гул усилился. Чешуйки на деревьях задрожали, начали приподниматься, как перья птицы, потревоженной во сне. Из-под чешуек полез свет — не янтарный, а голубой, холодный, неестественный. И в этом свете Трикси увидела, что стволы деревьев не пустые. Внутри, за полупрозрачной чешуёй, виднелись силуэты — вытянутые, неподвижные, похожие на смятые бумажные фигурки.

— Что это? — прошептала Трикси.

— Не знаю, — Молд выпрямился. — Но они не опасны. Пока. Пыльца не напрягается, значит, угрозы нет.

Пыльца у Молда была чем-то вроде домашнего животного — чуткого, своенравного и слегка трусливого. Если она не напрягалась, значит, действительно можно было не волноваться. Пока.

Они двинулись вглубь леса.

Глава третья, в которой трава поёт, а мох думает

Первое, что поразило Трикси на новой планете, — это звуковой ландшафт. В Заповедном Лесу Ефана звуки были привычными: ветер, птицы, шорох листвы, иногда журчание ручья, иногда треск ломаемой ветки. Здесь же звуков было столько, что Трикси сперва не могла их различить — как человек, впервые попавший в оперу, не различает инструментов и слышит только гул.

Но постепенно слух обострился, и Трикси начала выделять слои.

Нижний слой — мох. Тот самый фиолетовый, тёплый, пульсирующий. Он гудел, и гул этот был не механическим (как провода или насос), а органическим, живым, с ритмом. Трикси прислонила ладонь к мху, и ритм совпал с её собственным сердцебиением — ровно на три удара. Потом мох подстроился: не она под него, а он под неё. Это было вежливо и немного жутковато.

— Он думает, — сказала Трикси. — Мох. Он не просто растёт, он... размышляет.

— О чём? — Молд присел рядом, и его пыльца легла на мох ровным золотым слоем, как масло на хлеб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.